

ИМЕЕТ ЛИ МЕСТО МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАНСПОЗИЦИЯ В ЛЕЗГИНСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ?

MORPHOLOGICAL TRANSPOSITION IN THE LEZGIN AND GERMAN LANGUAGES: WHETHER IT TAKES PLACE OR NOT?

Z. Shamilova

Annotation

In the presented article the author rises the question regarding the status of the verbal units in the function of participles. The main goal of the article is to find out whether these units might be applied to total transposits. In the Lezgin and German languages participles are be regarded as the most controversial verbal forms. The question regarding definition of the participles status in the languages under discussion stated opened for a long time. It has been found out that the participles of these languages cannot be taken as total transposits i.e. there are no affixes of morphological derivation within these verbal forms acting in the function of participles.

Keywords: participle, transposits, Lezgin language, German language, participles, category, morpheme, morphologic derivation.

Шамилова Заира Мехтиевна

Соискатель,

Дагестанский Научный Центр РАН,
Махачкала, ЧУ ДО "Академия Анжи"

Аннотация

В представленной статье автор поднимает вопрос о статусе глагольных единиц, выполняющих функции причастия в лезгинском и немецком языках. Целью данной статьи является выяснение факта, возможно ли отнести рассматриваемые единицы к полным транспозитам, т.е. имеет ли место полная транспозиция в изучаемых языках. Причастия в современной лингвистике лезгинского и немецкого языков представляют собой наиболее дискуссионные отглагольные образования. Вопрос о дефиниции статуса причастий в рассматриваемых языках продолжительное время оставался открытым. Было выявлено, что причастия изучаемых языков не являются транспозитами, т.е. в причастиях этих языков отсутствуют аффиксы морфологической деривации, транспонирующих глагол в причастие.

Ключевые слова:

Транспозиты, лезгинский язык, немецкий язык, причастие, категория, морфема, морфологическая деривация.

Причастие, будучи уникальным образованием грамматической системы всех языков, обладающим свойствами глагола и прилагательного, полностью все еще не раскрыто.

В грамматических описаниях лезгинского языка интерпретация причастий весьма неоднозначна.

Известно, что категория залога, характерная для глаголов русского языка, также не нашла своего выражения в лезгинском языке. Т.е. лезгинские причастия могут быть использованы как в роли атрибутивного признака объекта, так и субъекта, и не имеют оттенков действительных (написа-вш-ий - это тот, кто написал) или страдательных (написан-н-ое - это то, что написали) причастий: лугъузва-й / лагъа-й гаф 'сказываемое / сказанное слово' и лугъузва-й / лагъа-й кас 'говорящий / сказавший человек', как и не имеют морфем, способных адъективировать лезгинский глагол в причастие, т.е. нет специальных суффиксов причастий [Керимов 2002: 95].

Как мы знаем, адъективация русского глагола в причастие морфологически маркирована. Принятие таких форм, как: лугъун 'говорить / сказать' - лугъу-р 'который

будет, может говорить / что будут, можно говорить', фин 'идти / пойти' - фи-р 'который пойдёт / может, способен идти' и тд. в качестве причастий лезгинского языка означало бы, что суффиксы -й и -р, формирующие причастие, наделены тем же функционалом, что и причастия русского языка. Веский аргумент против такой интерпретации был приведен К.Р. Керимовым [там же], согласно которому использование этих форм в роли финитных (в этих случаях суффикс -й разводит момент речи и время ситуации) свидетельствует о том, что в этих формах отсутствует полностью морфологическая транспозиция лезгинского глагола в причастие.

Мы не можем определить формы глагола, функционирующие в качестве причастия в лезгинском языке, как адъективы в полном смысле слова. Для качественно-действенного определения эти формы 'прибегают' к аффиксу -й, а значит ни на современном этапе развития языка, ни в его праязыковые периоды рассматриваемые формы не нуждались специальных морфологических средств для того, чтобы адъективировать глагол в причастие. Подобная трактовка была впервые представлена К.Р. Керимовым в книге "Контрастная аспектология лезгинского и русского языков" (2002 г.).

Согласно К.Р. Керимову [Керимов 2002: 98], именно синтаксическая позиция влияет на восприятие этих форм в качестве адъективов. Тот факт, что эти формы можно использовать как в функции индикатива, так и причастия, говорит о том, что аффикс *-й* не адъективирует глагол в причастие (например, как суффикс *-ащ/ящ-* в русском языке). Функция этого аффикса сводится к тому, чтобы соотносить в синтаксическом плане содержание словоформы с различными частями контекста.

Перспективу для решения проблемы относительно потенциала суффикса *-й* открывают работы К.Р. Керимова. Весьма полезными для нас оказались результаты исследования, проведенные им в [Керимов 2002: 33], согласно которым он полагает, что рассматриваемый суффикс *-й* может присоединяться к различным формам глагола. А именно: к (1) аористу (*кхъе-на-й*), (2) перфекту (*кхъе-н-ва-й*), (3) настоящему (*кхъи-з-ва-й*), (4) настоящему продолженному (*кхъи-з-ма-й*), (5) перфекту продолженному (*кса-н-ма-й* < *кса-н-ма* 'продолжает спать'), и к (6) будущему (*кхъи-да-й*). В этих формах аффикс *-й* соединяет действие, которое выражается глагольной формой, с компонентами текста. В составе причастий и прилагательных наглядно демонстрируется дейктическая функция аффикса *-й*: *ата-й мугъман* 'пришедший гость' (здесь мы видим соотношение определения с определяемым словом).

В исследовании лезгинского языка бытует мнение, согласно которому все современные лезгинские причастные формы, совпадающие с соответствующими формами индикатива, едва ли можно признать причастиями в традиционном понимании, поскольку восприятие их в качестве адъективов полностью обусловлено синтаксической позицией. Этой позиции придерживается К.Р. Керимов в [Керимов 2002: 98]: "Возможность употребления их в функциях, свойственных индикативам, и причастиям, свидетельствует о том, что аффикс *-й* не является морфемой, адъективирующей глагол. Его роль заключается лишь в синтаксическом соотношении содержания словоформы, к которой он присоединяется, с различными компонентами контекста". Аффикс *-й* оформляет глагольные формы и в функциях причастий, и в функциях так называемых деепричастий (форм временного подчинения):

Зун бубади ваз тагайтIа, зи тIвар алай сунна гъваш, яр (Фаталиев) 'Если меня отец не выдаст за тебя, то женись, любимый, на моей тезке';

Вуж хъуй ама лагъайди, вун дахъайла (Эмин) 'Кто же это сказал, если не ты';

Помимо того, что морфемы *-й* и *-р* задействованы в оформлении единиц языка, действующих как причастия, они также оформляют финитные и таксисные формы глагола. При этом в функциональном плане они выполня-

ют одну роль: соотносят содержание формы с различными компонентами контекста. В связи с этим мы не можем отнести эти аффиксы к морфемам, адъективирующим глагол в причастие. В отличие от лезгинского, в русском языке существуют суффиксы, выполняющие эту роль. Различные суффиксы русских причастий призваны отвечать за различные функции: суффиксы действительных причастий определяют субъектную отнесенность (*закрывш-ий/ая* и т.д.), а суффиксы страдательных причастий – объектную (*закры-т-ый/ая* и т.д.).

В дагестанских языках одна морфема, являющаяся показателем грамматического класса, объединяет в себе эти две функции. Если в русском языке у причастий имеется функция согласования, то в лезгинском она отсутствует по историческим причинам [Керимов 2002: 105].

В лезгинском языке система грамматических классов имен утрачена, и глагол не согласуется ни с субъектом, ни с объектом действия. Иными словами, у причастий отсутствуют деривационные аффиксы залоговой семантики, как и отсутствует маркирование референтной соотносительности числовыми показателями. То есть, атрибутивная форма причастия, синтаксически выступая в качестве определения к существительному, представляет собою основу причастия без каких-либо аффиксов изменения по классам или числам.

По мнению К.Р. Керимова, для отнесения обсуждаемых единиц именно к причастиям признаки морфологического плана оказываются нерелевантными, поскольку морфемы *-й* и *-р*, которыми они оформлены, трудно отнести к показателям, характерным для лезгинского причастия как класса словоформ. Эти же морфемы и с меньшей регулярностью оформляют финитные и таксисные формы глагола [там же].

Таким образом, мы полагаем, что в лезгинском языке отсутствуют морфемы, полностью адъективирующие глагол в причастие. Иными словами, мы не можем говорить о полной *морфологической транспозиции* в обсуждаемом языке, как это имеет место в русском языке. Для лезгинского языка характерна именно *синтаксическая транспозиция*.

Для ответа на вопрос о наличии морфологической транспозиции в немецком языке следует обратить внимание на отсутствие единогласия в трактовке немецкого причастия. Некоторые лингвисты склонны рассматривать причастие немецкого языка как самостоятельную часть речи. При этом исходными критериями служат широкая распространенность, наличие собственных морфологических признаков и синтаксических функций.

Ряд лингвистов полагают, что причастие немецкого языка необходимо отнести к классу "Глагол". Система

причастий, с их позиции, должна определяться теми категориями, которые присущи причастиям как формам глагола.

В немецком языке аспектуальные значения являются неустойчивыми; семантика немецкого глагола, от которого образуется Partizip II, входящий в состав пассивной формы в немецком языке, определяет эти аспектуальные значения контекстом, лексическими/ синтаксическими средствами.

К примеру: *Alle ihre Dorfer wurden zerstört und niedergebrannt, alle ihre Felder in Weide verwandelt* (К. Марх) 'Все их деревни были разрушены и сожжены, все поля обращены в пастбища'. В данном примере мы видим, что семантика глаголов *zerstören* – разрушать, *niederbrennen* – сжигать, *verwandeln* – превращать, от которых образован Partizip II: *zerstört*, *niedergebrannt*, *verwandelt*, определяет завершённый характер действия.

Причастие I и II переходных глаголов в залоговом отношении носят соотносительный характер. Так, если мы сопоставим оба вида причастий, мы видим, что форма действительного залога представлена причастием I, тогда как причастие II представляет собой форму страдательного залога, к примеру:

das lesende Mädchen 'читающая девушка' – *das gelesene Buch* 'прочитанная книга';

das beobachtende Kind 'наблюдающий ребенок' – *der nachbarn beobachtet Film* 'недавно просмотренный фильм';

Причастие II также может быть представлено действительным залогом, но только от непереходных глаголов:

der kommende Zukunft 'идущее (ближайшее) будущее' – *der gekommene Mensch* 'пришедший человек';

Die eingetroffene Delegation wird in ihr Hotel fahren 'Прибывшая делегация поедет в свою гостиницу'.

Важной, на наш взгляд, является ремарка относительно залоговых значений у глаголов предельного значения. Так, значение образа действия у причастий, которое выражает отношение действия к его пределу, представляется характерным признаком причастия I от глаголов предельного значения. Причастие II, напротив, выражает результирующее состояние предмета, являющееся следствием того, что действие достигло своего предела:

der gereifte Apfel 'спелое яблоко' – *der geschaltete Apfel* 'очищенное яблоко'.

Как мы видим, причастие прошедшего времени с активным смыслом может быть образовано только от глаголов, достигших предела к определенной временной точке (предельных глаголов): *das vergangene Jahr* (*vergehen*) 'минувший год', *die eingetroffene Delegation* (*eintreffen*) 'прибывшая делегация'. Мы можем сказать: *das schlafende Kind* 'спящий ребенок (Partizip I)', но мы не можем сказать *das geschlafene Kind* (Partizip 2), потому как действие не достиг-

ло своего предела; верным будет вариант: *das eingeschlafene Kind* 'заснувший ребенок (Partizip 2)'.

Однако стоит упомянуть тот факт, что некоторые германисты, отрицающие категорию вида у немецкого глагола, тем не менее, признают это категориальное свойство у причастий.

В свете рассмотрения залога у немецких причастий нам представляется важным отметить, что, если в русском языке причастия в залоговом отношении имеют специальные маркеры (суффиксы: для активного залога – *-ащ/-ящ-*, *-ущ/-ющ-*, *-вш/-ш-* и тд, для страдательного: *-ом/-ем-*, *-т-*, *-нн-* и тд), то в немецком языке причастия II могут иметь различную объектно-субъектную соотнесенность.

Рассматривая категорию вида, отметим, что грамматический вид в немецком языке понимается как оппозиция перфектности – неперфектности. У этой категории отсутствуют специальные морфологические маркеры, средства выражения, и потому категорию вида немецком языке по своему характеру мы можем отнести к лексико – грамматической категории.

Германист Пауль Отто Лион полагает, что "ситуация с отнесением причастия к категории залога или прилагательного осложняется тем, что на уровне "глубинных структур" между ними нет различия" [14, с. 344]. Причастие сближается с прилагательным и наречием в синтаксическом плане, выполняя функции определения в предпозиции к имени или в постпозиции, а также функцию именного члена составного сказуемого (предикатива). Последняя функция особенно характерна для причастия второго, к примеру:

Unser Geld ist gesichert 'Нам деньги гарантированы'.

В ряде случаев причастие первое может выступить в функции предикатива:

Dieser Knabe ist herausfordernd 'Этот парнишка ведет себя вызывающе'.

Meine Freundin ist schwer leidend 'Моя подруга серьезно больна'.

Diese Aufgabe ist gelöst 'Эта задача решена'.

Der Brief zu meiner Schwester ist schon geschrieben 'Письмо для моей сестры уже написано'.

Как мы видим, причастие семантически приближается к прилагательному при подобном функционировании, а в некоторых случаях Partizip I полностью превращается в прилагательное при выполнении функции предикатива. К примеру:

Das Mädchen war sehr reizend 'Девушка была очаровательна'.

Причастия немецкого языка были также исследованы Л.И. Астаховой. В работе "Конструкция "глагол + прилага-

тельное (причастие)" в современном немецком языке" (1980) она отмечает, что причастия I и II могут быть представлены в предложении в краткой форме (без родовых и падежных флексий) в роли обстоятельства:

...Und zu unserer eigenen Überraschung war eine Konstellation eingetreten, die verblüffend vorteilhaft schien... '...и к нашему собственному удивлению создалась позиция, казавшаяся поразительно выгодной...' (Zweig).

Er sah sie begeistert an 'Он смотрел на нее восхищенно'.

Совместно с зависимыми от них словами данные формы образуют обособленный причастный оборот. В обособленном причастном обороте партицип I или II чаще всего располагаются в конце или в начале оборота. Надо отметить, что в зависимости выполнения функции, которую причастный оборот выполняет в предложении – определения или обстоятельства, – немецкие обособленные причастные обороты переводятся на русский язык как причастными, так и деепричастными оборотами.

Говоря о функциях, которые выполняет партицип I, отметим, что нередко случаи перехода этой формы в другие части речи:

Так, И.П. Тагиль в [6, с. 201–203] рассматривает следующие функции:

- функция существительного

Tipps and Infos für Lernende und Unterrichtende 'Советы и информация для обучающихся и преподавателей'.

Der Vortragende sollte mit dem Publikum sprechen 'Докладчик должен был обращаться к публике'.

Der Reisender fiel in Verwirrung 'Турист впал в недоразумение'.

- функция прилагательного.

Данная функция раскрывается в тех случаях, когда причастия приобретают значение отличное от глагола, от которого они, в свою очередь, были образованы. Однако необходимо отметить, что при переходе причастий в прилагательные имеет место смысловое расхождение, иначе говоря, семантический сдвиг. Для наглядности приведем следующие примеры:

reizend - очаровательный reizen - раздражать

spannend - увлекательный spannen - натягивать

- функция наречия

Zuvorkommend grusste er uns und schlug seine Hilfe vor 'Он по-приветствовал нас вежливо и предложил свою помощь'.

- функция частицы

Die Lauferinnen sind annähernd gleichzeitig am Ziel angekommen 'Бегуны финишировали почти одновременно'.

В ходе исследования функций причастий нами была обнаружена еще одна функция, выполняемая причастием II в немецком языке.

- функция инфинитива

Stillgestanden! 'Не двигаться!'

Если провести параллель между русским и немецким языком относительно сходства и различия герундиальных и причастных форм исследуемых языков, то видим следующее:

в русском языке мы различаем нижеуказанные глагольные формы:

– действительное причастие настоящего времени *держажий (держажийся)*,

– деепричастие несовершенного вида *держа*

– деепричастие совершенного вида *сдержав*

– отглагольное существительное (герундий) *держание - ожидание, расставание, наступление и т.п.*

Данные формы различаются не только в контексте, но и вне контекста, поскольку эти формы имеют разные окончания, из чего мы пришли к выводу, что в русском языке мы сталкиваемся с явлением полной транспозиции (что нами было доказано в предыдущем параграфе).

В немецком языке различают Partizip I (*liebend, sich umdrehend*) соответствует причастию русского языка на - *ущий*. Однако здесь необходимо упомянуть об особенности данной формы. Эта особенность выражается в том, что в своей краткой форме эта же форма причастия (*lachend*) выполняет также функцию русского деепричастия несовершенного вида (*смеясь*). Более того иногда, не меняя формы, функционирует в качестве деепричастия совершенного вида (*рассмеясь*).

in der Strasse wartende Frau 'ждушая на улице девушка';

Er spricht zögernd 'Он говорит неуверенно'.

Er sah mich forschend an 'Он испытующе смотрел на меня'.

Sich nährend, sah sie in meinen Augen 'Приблизившись (деепричастие совершенного вида), она посмотрела мне в глаза'.

Partizip II – *gelacht* (обсмеянный), *gefragte* (спрошенная) – выражает, прежде всего, состояние предмета в результате уже произведенного над ним действия. Данное причастие соответствует форме страдательного причастия прошедшего времени *спрошенный* в русском языке. Согласуясь с существительным в роде / числе / падеже это причастие в полной форме выступает в качестве определения: *Die auf dem Grill gebratenen Wurstchen schmecken lecker 'Пожаренные на гриле сосиски очень вкусные'.*

Функция русского действительного причастия прошедшего времени также может быть выполнена данным видом причастий немецкого языка: *die im Dorf aufgewachsene Zwillinge 'в деревне выросшие близнецы'.*

Рассматриваемое причастие в краткой форме связано со словоизменительной системой глагола.

Герундий (*gerundivum*) по своей форме совпадает с причастием первым в немецком языке. Однако в практической жизни данная форма представляет собой редкое

явление; в основном она употребляется в узнаваемой конструкции по типу *der zu ubersetzende Text 'k переводу предназначенный текст'*.

Проведенный анализ показывает, что суффиксы причастий немецкого языка, в частности причастия I, выполняют различные функции и могут выступать в предложении как в роли формы, соответствующей русскому причастию совершенного вида, так и деепричастию или же наречию. На основании этого факта мы можем предположить, что причастия немецкого языка не являются полными транспозитами, как это имеет место быть в русском языке.

Немецкие причастия, как и русские, обладают категорией залога – действительного и страдательного (Aktiv und Passiv соответственно). Активный залог передается причастием I и соответствует действительному причастию русского языка, тогда как пассивный – причастием II и может переводиться страдательным и действительным (в зависимости от переходности/непереходности глагола) причастием русского языка.

Если в русском языке имеется четкое разграничение причастий в залоговом отношении на действительные и страдательные, то в немецком языке данная категория, хоть и представлена активным и пассивным залогом, не имеет столь четкого разграничения, как в русском, потому

как причастие II выражает как активный, так и пассивный залог. Аффиксы, используемые для передачи причастия II в немецком языке, трудно считать специальными морфемами страдательного залога в противоположность аффиксам русских причастий, где суффиксы страдательных причастий не могут функционировать как действительные.

В немецком языке, на наш взгляд, как и в лезгинском, отсутствует полная морфологическая транспозиция в связи с тем, что аффиксы, присущие для форм, трактуемых как причастия немецкого языка, могут быть использованы и для передачи форм, соответствующих русским деепричастиям и наречиям, что представляется невозможным для русского языка. Причастие, все-таки, в классическом понимании – это качественно-действенное определение, т.е. адъектив. В его грамматической семантике доминирует частеречный признак адъективов, который детерминирует синтаксические функции. В связи с этим русским причастия не функционируют в роли деепричастия, обстоятельства, а немецкие причастия могут функционировать подобным образом. Иными словами, полной морфологической транспозиции в немецком языке нет.

Все вышесказанное о причастиях немецкого языка позволяет заключить, что причастия немецкого языка по своей природе являются неполными морфологическими транспозитами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астахова Л.И. Конструкция "глагол + прилагательное (причастие)" в современном немецком языке. Автореферат дис. канд. фил. наук. Киев, 1980.
2. Керимов К.Р. Контрастивная аспектология лезгинского и русского языков. Махачкала, 2002.
3. Маслов Ю.С. Избранные труды. Аспектология. Общее языкознание. М., 2004. – 840 с.
4. Москальская О.И. Теоретическая грамматика современного немецкого языка. Учебник для студ. высш. учеб. заведений. М., 2004.
5. Рахманкулова И.–Э. С. К вопросу и теории актуальности // Вопросы языкознания. М., 2004. С. 3–28.
6. Русская грамматика. Т. II. Синтаксис. М., 2005. – 712 с.
7. Тагиль И.П. Deutsche Grammatik. Auf der Grundlage der neuen amtlichen Rechtsschreibregeln. М., 2010.
8. Шендельс Е. И. Практическая грамматика немецкого языка. М.: 1979. – 397 с.
9. Arens H. Sprachwissenschaft. Der Gang Ihrer Entwicklung von der Antike bis zur Gegenwart. 2 Bde. Frankfurt am Main. 1974.
10. Blatz F. Grammatik mit Berücksichtigung der historischen Entwicklung der deutschen Sprache. Bd II. Karlsruhe, 1896.
11. Duden. Das Standardwerk zur deutschen Sprache: Band 4. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Gebundene Ausgabe. Dudenverlag. Berlin, 2015.
12. Lyon P.O. 1890 – Lyon P.O. Die Lektüre als Grundlage eines einheitlichen und naturgemäßen Unterrichts in der deutschen Sprache. Leipzig, 1890.
13. Meyer K. – Zur Syntax des Participium Præsens im Althochdeutschen. Magdeburg, 1906.
14. Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. М., 2004.

© З.М. Шапилова, (interpreter.OO5@gmail.com), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

ШКОЛА «УМНИК» в НФИ КемГУ для 7-9 классов

Запись по телефонам: 33-05-01, 8-904-996-46-85

Смогут изучить:

Устройство роботов

Математику

Научную работу

Информатику

Компьютерное 3D-моделирование

РЕКЛАМА